ЛУЦИЙ АННЕЙ СЕНЕКА: ДИАЛОГИ "О СКОРОТЕЧНОСТИ ЖИЗНИ", "О БЛАЖЕННОЙ ЖИЗНИ"*

Т.Ю. Бородай

Мы предлагаем читателю новые переводы двух философских диалогов Сенеки – возможно, наиболее известных. На протяжении более чем двухсот лет "Блаженная жизнь" Сенеки составляла непременную часть школьной программы во Франции, а в иезуитских школах – и по всей Европе.

Если принять условное, но плодотворное разделение понятий "Стоя" и "стоицизм", где под Стоей понимается определенная хронологическими и дисциплинарными рамками философская школа, а под стоицизмом – характерное умонастроение без четко определенных границ, но с легко узнаваемым ядром, своеобразную духовную терапию и "религию кризисов" (А.А. Столяров), философскую пропедевтику, обучающую ориентироваться в повседневных ситуациях, – то оба предлагаемых сочинения Сенеки следует отнести именно ко второй категории.

Два эти диалога или, скорее, обе эти проповеди роднит одна общая черта, придающая им обаяния и убедительности: философ-проповедник стоит здесь не на пьедестале собственной неуязвимой мудрости (хотя именно ее и проповедует), а внизу, вместе с читателями, еще только стремящимися к этой мудрости подняться. "О скоротечности жизни" – размышления политика и делового человека, потерпевшего фиаско в политике и делах (диалог написан около 49 г., вскоре по возвращении Сенеки из трехлетней ссылки, оборвавшей начало блистательной карьеры). "О блаженной жизни" (написано десять лет спустя, в зените политической карьеры, славы и богатства) – апология философа, обвиняемого общественным мнением в том, что ведет нефилософский образ жизни, что проповедует одно, а делает другое; что призывает к добродетели, отказу от наслаждений и презрению к порокам, а сам нажил несметное состояние (известно ведь, большие деньги не делаются честным путем, и слухи утверждали, что Сенека нажился на конфискациях имущества честных граждан) и не отказывается от высокого положения при дворе Нерона, где коррупция, разврат, интриги, убийства стали повседневностью и где порядочному человеку, не говоря уже о проповеднике добродетели, не место.

Любопытно, что в литературе последних десятилетий эти трактаты Сенеки стали предметом не только отстраненно-исторических и филологических штудий; идет – в особенности среди английских исследователей – своего рода общественный суд над Сенекой, словно он наш современник, еще один подсудимый Нюрнбергского процесса. Вновь и вновь, применительно к воспитаннику и другу Сенеки Нерону, звучат имена Гитлера и Сталина, и одни обвиняют философа в коллабора-

* Перевод подготовлен при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

ционизме, пресмыкательстве перед властью и попытках обосновать идеологию тоталитарного режима, а другие сочувственно живописуют мучительную трудность честного философствования в коррумпированном обществе под железной пятой тоталитарной власти (См.: *Rist J.U.* Seneca and Stoic Orthodoxy // ANRW, II, 36, p. 1993–2012). Верно ли это, судить читателю. Однако, несомненно,что это – не единственная проблема, позволяющая нам рассматривать Сенеку как современника. В его диалогах подняты и другие вопросы, может быть, менее злободневные, но более глубокие и не менее насущные как для него, так и для нас.

* * *

Перевод с латинского выполнен по изданию: *Seneca.* Moral essays in three vol. Loeb Classical Library, 1970.

Луций Анней Сенека

О СКОРОТЕЧНОСТИ ЖИЗНИ

К Паулину

Большинство смертных жалуется, Паулин[1], на коварство природы: дескать, рождаемся мы так ненадолго и отведенное нам время пролетает так скоро, что, за исключением разве что немногих, мы уходим из жизни, еще не успев к ней как следует подготовиться. Об этом всеобщем, как принято считать, бедствии вопит не только невежественная толпа; не только чернь, но и многие славные мужи не сдержали горестных жалоб перед лицом такой напасти. Вот величайший из врачевателей восклицает: "Жизнь коротка, искусство длинно"[2]. Вот Аристотель предъявляет природе претензию, мало приличествующую мудрецу: "Иным животным она по милости своей настолько удлинила век, что они переживают по пять, а то и по десять поколений; а человеку, рожденному для великих дел, положила конец куда скорейший"[3].

Нет, не мало времени мы имеем, а много теряем. Жизнь дана нам достаточно долгая, и ее с избытком хватит на свершение величайших дел, если распределить[4] ее с умом. Но если она не направляется доброю целью, если наша расточительность и небрежность позволяют ей утекать у нас меж пальцев, то когда пробьет наш последний час, мы с удивлением обнаруживаем, что жизнь, течения которой мы не заметили, истекла.

Именно так: мы не получили короткую жизнь, а сделали ее короткой. Мы не обделены ею, а бессовестно ее проматываем. Как